

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 17 по 23 августа 1970 г. в г. Таллине проходил III Международный конгресс финно-угроведов¹. Работу по подготовке и проведению конгресса возглавил Всесоюзный оргкомитет, в состав которого вошли ученые и общественные деятели Москвы, Ленинграда, Эстонской ССР, Карельской, Марийской, Мордовской, Коми и Удмуртской АССР; его председателем являлся академик АН ЭССР П. А. Аристе, ответственным секретарем — директор Института языка и литературы АН ЭССР Э. Я. Сыгаль. К открытию конгресса, помимо программы, были изданы два тома тезисов секционных докладов и сообщений, полные тексты пленарных докладов; финно-угроведческие центры Москвы, Эстонии, Карелии, Мордовии, Удмуртии, Коми и Марийской АССР подготовили брошюры о развитии финно-угроведения в этих центрах. На конгрессе была организована выставка научной литературы по финно-угроведению, издаваемой за последние пять лет (1965—1970). Всего на выставке экспонировано 555 публикаций, полученных от 18 научных учреждений и вузов из восьми республик Советского Союза (346 наименований) и из восьми зарубежных стран, прежде всего из Финляндии (169) и Венгрии (135). Самым обширным на выставке был раздел литературы по языкознанию — 324 издания, по фольклору — 104, литературоведению — 104, этнографии — 83, археологии и антропологии — 39 и т. д. Уже по этим цифрам можно судить об интенсивности исследований в различных отраслях мирового финно-угроведения.

В работе Конгресса приняли участие 505 человек из 16 стран, в том числе 295 зарубежных ученых. Официальными рабочими языками Конгресса были немецкий, русский, английский, французский. Ряд докладов был прочитан на финском, эстонском и венгерском языках.

Кроме пленарных заседаний, на Конгрессе работали 14 секций: общего финно-угорского языкознания, прибалтийско-финских языков, саамского языка, волжских языков, пермских языков, угорских языков, самодийских языков, литературы, фольклора, археологии, антропологии, этнографии, верований и обрядов, народной музыки. Всего на Конгрессе был прочитан 271 доклад, из них зарубежных учеными — 136.

III Конгресс был самым представительным из состоявшихся ранее не только по количеству докладов, но и по широте охвата научных дисциплин. В области языкознания впервые были охвачены все группы финно-угорских языков: в самостоятельные секции выделены волжские, пермские языки и саамский язык. Если на двух предыдущих конгрессах абсолютно преобладало языкознание, то на конгрессе в Таллине значительно возросла роль великоисторических дисциплин, увеличилась количественная и качественная весомость докладов по этнографии, археологии, антропологии, а литературоведение впервые заняло надлежащее место (на конгрессе в Хельсинки оно входило в программу лишь формально). На конгрессе по-прежнему преобладало сравнительно-историческое направление и ориентация на усиление комплексной разработки проблем.

На пленарных заседаниях конгресса было прослушано шесть докладов², из них четыре языковедческих. Академик Э. И т к о н е п (Финляндия) выступил с подробным анализом состояния современных исследований в области фонетики и морфологии финно-угорских языков. Академик Д. Л а к о (Венгрия) посвятил свой доклад Йеншу Шайновичу — венгерскому основоположнику сравнительного изучения финно-угорских языков. Проф. Б. В и м а н (Швеция) информировал конгресс о состоянии исследования саамского языка в Швеции. Проф.

¹ Первый Международный конгресс финно-угроведов состоялся в 1960 г. в Будапеште, второй — в 1965 г. в Хельсинки.

² Полные тексты пленарных докладов опубликованы в журнале «Советское финно-угроведение», 1970, 3.

В. И. Лыткин (СССР) прочитал доклад «О вокализме непервого слога финно-угорских языков». С докладом по фольклористике выступил академик Д. Ортутай (Венгрия). Проблемы этногенеза финно-угорских народов по данным антропологии освещались в докладе К. Марк (Таллин).

Из всех финно-угроведческих дисциплин, представленных на конгрессе, языковедство занимало ведущее положение — более половины всех докладов и сообщений (150) было посвящено языковедческой тематике. В семи лингвистических секциях, наряду со сравнительно-историческим направлением, широко были представлены и синхронические исследования, фонологические, типологические, лингво-географические и ареально-лингвистические разработки. В результате складывается уточненная картина о финно-угорском (шире — уральском) языке-оскозе, о его диалектном членении, о ранней истории финно-угорских языков и их контактах с другими языками.

В секции общего финно-угорского языкознания рассматривался широкий круг наиболее общих вопросов как в историческом, так и синхроническом планах. В докладах освещались вопросы сравнительной фонетики (Л. Грузев, СССР; А. Рова-Тамп, Венгрия), исторической фонологии (Р. Аустерлихт, США; Т.-Р. Вийтсо, СССР) финно-угорских языков, исторической морфологии (К. Е. Майтиская, СССР; К. Редел, М. Кёвеш и Андраш, Венгрия), уральских языков, проблемы финно-угорского корне-слово (Г. Гагшов, ФРГ) и диалектного членения финно-угорского (уральского) язычка (Я. Гуя, Венгрия). Отдельные вопросы сравнительной грамматики современных финно-угорских языков получили освещение в докладах и сообщениях М. Корхонена (Финляндия), И. Эрдеди, С. Карой (Венгрия), М. П. Чихайзе (СССР) и др. В докладе И. Батори (ФРГ) рассматривалась возможность создания трансформационной грамматики для финно-угорских языков с применением вычислительной техники.

Другая группа докладов была посвящена проблемам ареальной лингвистики (П. Хайду, Венгрия), историческим связям финно-угорских языков с языками других групп (А. М. Рот, Ф. И. Гордеев, СССР; Н. М. Яннис, Италия) и вопросам проницаемости языков в условиях близкитизма (И. С. Галкин, СССР).

Самой насыщенной была программа работы в секции прибалтийско-финских языков. Всего на заседаниях секции было прочитано 50 докладов и сообщений, и в отдельные дни их количество достигало 12—13. Программа секции была весьма разнообразной и охватывала все основные

разделы прибалтийско-финского языкознания.

Большой интерес вызвал у участников конгресса доклад П. Ариста, привлечавший внимание на важности исследования взаимных контактов прибалтийско-финских языков для понимания их истории.

Вопросам сравнительной морфологии прибалтийско-финских языков были посвящены доклады Л. Пости, А. Турунена, Х. Лескинена (Финляндия), П. Альвре (СССР).

Отдельные вопросы фонетики и фонологии освещали в своих докладах А. Лаянест, М. Лепик, М. Хийт (СССР), П. Саукконен, С. Сухонен (Финляндия), Р. Хаммарберг (США). Экспериментально-фонетические исследования были представлены докладами К. Вийка (Финляндия), Н. Лехисте (США), Г. Липпа (СССР).

Ряд докладов был посвящен топонимии: структура топонимов в Карелии и Ингерманландии (В. Ниссила, Финляндия), топонимия как источник истории заселения местностей и миграции населения (В. Палль, СССР), фонетические явления в субстратной топонимии русского Севера (А. К. Матвеев, СССР), проблема финно-угорского субстрата в литовской топонимии (А. Ванаса, СССР).

Значительное место в работе секции заняли вопросы диалектологии прибалтийско-финских языков, в частности, доклады и сообщения по южно-восточным диалектам (С. Ниголь, Х. Кэзм, СССР), диалектам северной Финляндии (А. Ряйсänen, Финляндия) и карельским диалектам (Т. Итконен, Финляндия; П. Пальмеос, А. Баранцев, СССР). Известный финский диалектолог П. Виртаранта предложил уточненную классификацию карельских диалектов. Вопросы методики редактирования большого 6-томного карельского словаря изложил Х. Виртаранта (Финляндия). Вопросам массовой обработки синтаксического материала финских диалектов посвятил свой доклад О. Икола (Финляндия).

С информацией о состоянии исследования водского языка в Эстонской ССР выступила Э. Адлер (СССР); литовскому языку были посвящены доклады Э. Ваяри, М. Рудзите и Т. Карма (СССР).

С достаточной полнотой в программе работы секции были представлены и исследования литературных языков с давней письменной традицией — финского и эстонского.

Доклад о принципах совершенствования эстонского литературного языка представил известный обновитель языка Й. Аавик (Швеция). Типологической характеристике эстонского языка посвятил свой доклад

В. Скаличка (Чехословакия). Эстонские лингвисты выступили с докладами по различным вопросам грамматики (А. Каск, Х. Неатар, А. Валмет, Х. Рятсе, Э. Ууспильд, Э. Рийкоя, А. Унвере), лексикологии (Х. Ёйм), фразеологии (Ф. Вакк), вопросам составления толковых и терминологических словарей эстонского языка (Э. Райет, Р. Куллер, Х. Саари).

Исследования в области финского литературного языка были представлены докладами, касавшимися анализа письменных памятников (М.-Э. Шейдлер, ФРГ), принципиальных вопросов ономими (А. Пенттиля, Финляндия), различных вопросов грамматики финского языка (З. Дубровина, СССР; Л. Карттунен, США).

Секция угорских языков по количеству докладов и сообщений (более 30) была одной из самых крупных лингвистических секций. В соответствии с генеалогической классификацией угорских языков доклады в секции разделялись тематически на две группы: по венгерскому языку и по обско-угорским (хантийскому и мансийскому) языкам.

Большинство докладов касалось венгерского языка, истории его развития и современного состояния. Доклад И. Сатмари (Венгрия) посвящен вопросам языковой нормы XVI—XVII вв., о развитии частей речи в венгерском докладывал И. Келемен (Венгрия), истории системы основ слова касался доклад А. Нири (Венгрия), причины и время становления звуковых корреляций выявлялись в докладе Ф. Шима (Чехословакия). Вопросам исторической лексикологии и этимологии были посвящены доклады К. Вельцова, Л. Бенкё (Венгрия), И. Футаки (ФРГ). Фонологическая система венгерского языка получила освещение в докладе Л. Деме (Венгрия), некоторые вопросы морфологии венгерского языка осветил в своем докладе И. Атанн (Швеция). Другие доклады были посвящены разработке отдельных сторон грамматического строя венгерского языка (Ж. Перро, Франция; Э. Рац, И. Мате, Я.-М. Вег, Венгрия), типологическому анализу (А. Шебестьев, Венгрия), вопросам венгерского словообразования (К.-И. Шолтес, Венгрия) и образования слов путем элизии (И. Ниркош, Венгрия). О применении статистических методов и теории информации при исследовании языка художественной литературы говорил в своем докладе Т. Жилка (Чехословакия).

В докладах этой секции наша отражение и социалингвистическая тематика, в частности, вопросы языковых контактов венгров с носителями индоевропейских языков. В докладе Б. Кальман (Венгрия) рассматривались особенности венгерского языка в США; Ж. Жер-

желд (Франция) осветил вопросы венгеро-французского и венгеро-бразильского двуязычия. Методом исследования венгерских элементов в языках соседних народов посвятил свой доклад П. Кириш (Венгрия); П. Лизанец (СССР) доложил о принципах построения атласа лексических венгеризмов в украинских говорах Закарпатья.

Значительно меньшее место в работе секции угорских языков заняли доклады и сообщения по обско-угорским языкам, причем подавляющая часть докладов была посвящена хантийскому языку.

Ряд представленных докладов был посвящен проблемам языка народной поэзии обских угров (М. С. Кишпал, А. Киш, Венгрия; Б. Шульце, ГДР). Другие доклады касались вопросов хантийской лексикографии (Л. Банке, ГДР; Э. Вертеш, Венгрия), русских заимствований в хантийском языке (Г. Зауер, ГДР), топонимии (Р. Радомский-Брахич, ФРГ) и исторической фонетики хантийского языка (Э. К. Шал, Венгрия). Только два доклада были посвящены конкретным исследованиям по мансийскому языку (Е. Ромбандеева, СССР; В. Кулмала, Финляндия).

Такое неравномерное распределение докладов в секции угорских языков отражает действительное состояние угорского языкознания в мировом финно-угроведении. В этой области ведущее место занимают венгерские ученые, особенно в изучении венгерского языка. По хантийскому языку наряду с венгерскими учеными ведут неторопливую работу и языковеды ГДР, продолжающие традиции изучения этого языка, заложенные академиком В. Штейнцем. Советские лингвисты были представлены в секции угорских языков всего двумя докладами: венгеризмы в украинских говорах (П. Лизанец) и доклад по мансийскому языку (Е. Ромбандеева). По хантийскому же языку советскими языковедами вообще не было представлено ни одного доклада. Между тем ответственность за изучение обско-угорских языков целиком должна ложиться на советских лингвистов, поскольку только они имеют возможность исследовать эти языки непосредственно в полевых условиях.

В секции волжских языков было представлено 16 докладов и сообщений, в том числе зарубежными учеными — 6 (из Венгрии — 3 и из Финляндии — 3).

Тематически доклады на этой секции распадался на четыре группы: общемордовская проблематика (5) и доклады по отдельным языкам — эрзянскому (3), мокшанскому (2) и марийскому (6). Доклады по общемордовской проблематике касались истории образования литературных языков (А. Феоктистов, СССР), общемордовского указательного

склонения (Д. Надьки, СССР), развития системы мордовского консонантизма (Г. И. Стипа, Финляндия), мордовского влияния на русское аканье (Б. Керестеш, Венгрия). Из докладов по отдельным мордовским языкам следует отметить доклад Д. Цыганина (СССР) о принципах классификация арванских диалектов. По марийскому языку ту же тему развивал в своем докладе Г. Берёcki (Венгрия). Большой интерес вызвал доклад Б. А. Серебряникова (СССР) по вопросам марийско-тюркских языковых связей.

В секции пермских языков были представлены доклады по всем языкам этой группы: коми-зырянскому (3), коми-пермяцкому (2) и удмуртскому (5). Характерной чертой этой секции явилось то, что она целиком была представлена советскими специалистами — языковедами Москвы, Сыктывкара, Ижевска и Перми. По коми-зырянскому языку были прочтены доклады по вопросам фонологии (Т. Жилина) и отраслевой терминологии (Е. Гуляев). По коми-пермяцкому языку освещались вопросы опонимии (А. Кривошеина-Гантма), и классификации диалектов (Р. Баталова). Доклады по удмуртскому языку были посвящены различным вопросам грамматики литературного языка (В. Алатырев, Л. Калпичева, И. Тараканов) и диалектологии, в частности, проблеме этногенеза бесермян (Т. Тепляшина) и развитию фонетической системы языка в условиях языкового окружения (В. Кельмаков).

Секция саамского языка и секция самодийских языков были самыми малочисленными на конгрессе. В той и другой было представлено по шесть докладов и сообщений. Типологической характеристикой саамского языка был посвящен совместный доклад Г. М. Керга (СССР) и В. З. Панфилова (СССР). Два доклада касались проблем фонологии (П. Саммаллахти, Финляндия; Р. Хармс, США), в двух других рассматривались вопросы грамматики (К. Койв, СССР; В. Шлахтер, ФРГ) и в одном — древнейшие заимствования в саамском языке (Х. Фромм, ФРГ).

В секции самодийских языков в четырех докладах рассматривались проблемы морфологии этих языков (А. П. Дульзон, СССР; А. Кюппа, СССР; Н. Терещенко, СССР; А. Йоки, Финляндия), в двух других освещались вопросы исторической фонетики (Т. Микко, Венгрия) и синтаксиса (И. Эрден, Венгрия).

Советские ученые уже давно заняли прочные позиции в области финно-угроведения. Отличительной чертой III Международного конгресса является широкое

представительство советских ученых, выступивших со 135 докладами и сообщениями, причем советскими учеными были представлены все научные дисциплины и все национальные научные центры советского финно-угроведения. Значение того факта, что в Советском Союзе создана разветвленная сеть национальных научно-исследовательских центров, где представители финно-угорских народов сами занимаются изучением своего языка и своей культуры, неоднократно подчеркивалось зарубежными учеными как на конгрессе, так и в печати.

Существенный вклад в работу конгресса внесли ученые Венгрии, среди которых имеются крупные специалисты по общему финно-угорскому языкознанию, угорским языкам и этнографическим дисциплинам. Они выступили с 61 докладом в лингвистических секциях (34) и секциях фольклора, этнографии, антропологии и литературы (27).

Конгресс показал, что финские ученые, выступавшие с 41 докладом, занимаются преимущественно исследованием прибалтийско-финских языков и имеют значительные достижения в деле развития этнографии. Более скромным оказался их вклад в работу секции народной музыки и литературы. Ученые ФРГ (9 докладов) и США (7 докладов) выступили главным образом по лингвистической тематике.

На заключительном заседании был выполнен состав Международного оргкомитета финно-угроведов, и теперь в нем представлены все финно-угроведческие дисциплины. Международный оргкомитет принял принципиальное решение проводить международные конгрессы только в основных странах с финно-угорским населением, т. е. в Венгрии, Советском Союзе и Финляндии. На следующий период (1970—1975 гг.) председателем Оргкомитета избран академик Д. Оргутай (Венгрия) и его заместителями — академик АН ЭССР П. Арвиста (СССР) и академик К. Вилкун (Финляндия). В период между конгрессами решено проводить симпозиумы по отдельным отраслям финно-угроведения. Принято решение провести следующий IV Международный конгресс финно-угроведов в 1975 г. в Венгрии.

Ю. С. Елисеев (Москва)

VII Международный конгресс социологов, состоявшийся 14—19 сентября 1970 г. в г. Варне (Болгария), был посвящен фундаментальной проблеме: современное и будущее общество, планирование и прогнозирование.

Эта тема, вызвавшая большой интерес мировой научной общественности, была предложена советскими социологами. В конгрессе приняли участие более 3500 человек — представители 80 стран.

На конгрессе впервые в качестве самостоятельной дисциплины была представлена социолингвистика. Заседала специальная секция социолингвистики, в работе которой приняли участие представители различных стран (СССР, США, Франции, Великобритания, Западная Германия, Канада, Шотландия, Испания, Бельгия, Болгария, Румыния, Чехословакия, Индия, Ганы, Танзания, Уганды, Израиля и др.).

Доклады советских ученых по социолингвистике по своей целенаправленности почти все соответствовали проблематике конгресса. Объясняется это тем, что беспримерный в мировой истории советский опыт планирования и прогнозирования развития многочисленных языков народов СССР имеет большое теоретическое и практическое значение и вызывает огромный интерес особенно в развивающихся странах. Доклады наших зарубежных коллег представляли собой более пеструю картину. В известной мере этому способствовали и разделы программы: микросоциолингвистика, микросоциолингвистика, комплексные социолингвистические исследования.

В докладе «Советская методология, теория и практика планирования и прогнозирования языкового развития» Ю. Д е ш е р е в в раскрыл важность проблемы языкового развития и пути ее решения в свете ленинской теории национальных отношений. Впервые в мировой истории в нашей стране стали разрабатывать теорию и практические мероприятия по проблемам планирования и прогнозирования языкового развития на основе марксистско-ленинской методологии. Докладчик подчеркнул, что Советский Союз располагает самым богатым в мире опытом планирования развития социальных функций и структур языков.

Докладчиком была выдвинута проблема развертывания мирового лингвистического процесса в качестве самой обширной и самой важной для человечества социолингвистической проблемы. Мировой лингвистический процесс пока что развертывается в значительной мере стихийно. По мнению докладчика наиболее общими социальными и исторически обусловленными закономерностями функционирования языков современности, определяющими перспективы их развития, являются: а) выдвигание исторически сложившихся наиболее развитых и распространенных языков в функции языков межнационального и международного общения; б) сокращение количества языков (главным образом за счет отмирания бесписьменных языков малочисленных народностей и этнографиче-

ских групп); в) возникновение в литературных языках мира определенных социально обусловленных общих закономерностей, являющихся логикой современного мирового общественного развития; г) постоянное отмирание территориальных диалектов; д) все большее усиление профессиональной дифференциации языков; е) внутривидовое развитие литературных языков, связанное главным образом с лексикосемантическими, синтаксическими и стилистическими системами.

В заключение докладчик подчеркнул, что перечисленные выше социально обусловленные закономерности будут доминирующими в развитии языковой жизни человечества в ближайшем будущем.

Общей теорией планирования и прогнозирования был посвящен доклад Л. Н и к о л ь с к о г о «Прогнозирование и планирование языкового развития». Л. Никольский указал на то, что теоретическое языкознание освобождается от отрицательного отношения к возможности сознательной регламентации языкового развития, справедливо подчеркнув, что практика языкового строительства в Советском Союзе эту возможность с очевидностью подтверждает. Докладчик отметил недостаточность для осуществления планирования на практике одной лишь лингвистической теории и необходимость учета таких факторов, как языковая, социальная и экономическая ситуация, генетическая природа языка и др. По мнению докладчика, господствующей тенденцией языкового развития в настоящий момент является демократизация.

Как практика, так и теория развития общественных функций языка получили освещение в коллективном докладе В. А б а е в а, П. А з и м о в а, К. М у с а е в а и Ф. Ф и л и н а «Развитие общественных функций языков народов СССР и некоторые вопросы теории социальной лингвистики». а также в докладах Г. Т р а п е з н и к о в а «Социальная значимость двуязычия и многоязычия в Советском государстве» и М. Г у б о г л о «Этносоциальные аспекты языковых контактов».

В докладе Т. Б е р г а г а е в а «Об унификации и интегрировании родственных языков» был поставлен очень существенный вопрос о необходимости более углубленного изучения процесса интеграции родственных и близкородственных языков. Насколько решение этой проблемы важно для практики планирования развития литературных языков было проиллюстрировано путем сравнения процессов формирования горномарийского, лугового марийского, коми-зырянского и коми-пермяцкого с процессом формирования литературного удмуртского языка.

Вопросы общей теории в лингвистическом плане были затронуты в докладах

В. Звегинцева, Ю. Степанова, К. Шаумяна, А. Швейцера и В. Ярцева. Основной тезис доклада В. Звегинцева «Лингвистические корреляты научного прогнозирования» — научное прогнозирование должно стремиться к максимальной объективности своих описаний. Поэтому описание научных прогнозов должно пользоваться языком, который был бы свободен от внутренней формы или же она была бы нейтрализована. Чтобы достигнуть этого, следует «обратиться к конструированию многомерных языков». К. Шаумян в докладе «Апplikативная грамматика и перцептива информационных языков» сформулировал задачи апplikативной грамматики и раскрыл основные понятия, которым она оперирует.

Ю. Степанов в докладе «Область лингвистических импликаций как сфера предвидения в языке» проводит мысль, что импликацией, в которой наиболее очевидно обнаруживалась бы обусловленность внутренней системы языка внешними факторами и вместе с тем допускалось бы прослеживаемое предвидение, является импликация особого рода, а именно, детерминация, обозначаемая как $V \rightarrow C$.

Главная мысль доклада А. Швейцера «О макросоциологии и микросоциологии» состояла в том, что малые группы не могут быть основной единицей социолингвистического анализа, как полагают ряд зарубежных исследователей. Необходим синтез макро- и микросоциологического подходов.

В докладе В. Ярцевой основное внимание было сосредоточено на наиболее существенных функциональных и структурных признаках языка науки, благодаря которым он играет международную роль. В докладе отмечено свойственное языку науки стремление к логичности и точности, тенденция к экономии в знаках, передающих содержание высказывания (применение эллиптических конструкций, различных аббревиатур и т.п.), тенденция к созданию знаковых систем с однозначным соотношением плана содержания и плана выражения. Что касается материального состава лексемы языка науки, то в нем в известной мере могут наблюдаться конвергирующие тенденции.

Для языка науки характерны сознательность и целенаправленность усилий для его упорядочения. Именно в этом языке особенно ярко проявляется сознательное терминологическое.

В докладах А. Васкакова «Особенности формирования терминологии в разных социальных условиях развития языка», М. Богояркова «Развитие общенародного казахского литературного языка в условиях осуществления ленинской национальной политики»,

А. Дарбеевой «Развитие общественных функций монгольского языка в советскую эпоху», М. Жовтубрюха «Пути сближения устной и письменной развитости литературной речи», Г. Менюшикова «Некоторые типы языковых контактов у аборигенов крайнего северо-востока Сибири», К. Хайзарова «Развитие узбекского языка за годы советской власти», В. Хасанова «Функциональное развитие казахского литературного языка в советский период и его взаимодействие с другими языками народов Казахстана», Т. Марзоевой-Козыревой «Социальные и этнолингвистические условия формирования осетинского национального языка» и А. Феофилтсоева «Об условиях развития мордовских литературных языков в советский период (20—30 гг.)» был всесторонне и подробно раскрыт процесс развития общественных функций литературных языков самых различных народов Советского Союза.

Основные положения доклада Н. Васкакова «Тенденция развития общественных функций младорусских языков» следующие: ставление литературных языков народов Советского Союза и их общественных функций определялось не только ходом истории, но и их существованием в особых условиях — условиях социалистического государства. В такой многонациональной стране, как СССР, создались, с одной стороны, все условия для развития двуязычия, с другой же — потребность в межнациональном общении выдвинула в этой функции русский язык. Создались условия, в которых русский язык, выступая как средство межнационального общения, не препятствует развитию национальных языков.

Методы и формы социолингвистического изучения языков были даны в докладах В. Аврорина «Опыт применения анкетного метода в изучении функционального взаимодействия языков», Г. Джаукяна «Статистический метод изучения диалектов и их истории» и Т. Дешериевой «Математические методы в социолингвистике».

В. Аврорин ознакомил с советским опытом социолингвистического обследования языков Сибири. Обследование (1967—1969) производилось анкетным методом и было построено по семейно-индивидуальному методу. В его докладе сделан подробный анализ системы составления анкет — с ее достоинствами и недостатками. Г. Джаукян поставил вопрос о характере и целях статистической диалектологии в применении к армянскому языку. Основной тезис доклада Т. Дешериевой — из определения сущности предмета социолингвистики логически вытекает полная возможность применения тех математических методов, которые используются при изучении

структуры языка и закономерностей его развития. Наиболее закономерны такие методы как вероятностно-статистические, моделирование, теоретико-множественные и аксиоматические.

Т. Ильяшенко в докладе «Социальные диалекты и профессиональные стили» сделала удачную попытку дать социолингвистическое определение таких понятий, как «социальный диалект» и «профессиональный стиль», на основе выделения определенных дифференциальных признаков.

Дифференциальные признаки социального диалекта — это классовая принадлежность его носителей, использование во всех сферах коммуникации, тенденция к обособлению от общенародного языка. Дифференциальные признаки профессионального стиля другие — отнесение к данной ситуации, использование в других ситуациях соответствующих стилей, отсутствие характера обособленности.

Некоторые доклады касались вопроса о роли социальных факторов в развитии языка. Так, А. Борт (доклад «Вопрос о роли социальных факторов в индивидуализации романских языков») останавливается на существенной роли социальных факторов в процессе образования романских языков. Параллельно с естественным развитием народной латыни от флексивного строя к аналитическому имело место сильное внешнее влияние — субстратно-языковое и этническое — на всех уровнях языка. Оно и послужило причиной индивидуализации латыни.

Н. Корляну в докладе «Дифференцированное развитие языковых уровней в их отношении к социальной обусловленности», говорил о неправомерности сводить все языковые процессы к влиянию общества. Следует рассматривать дифференцированно воздействие общества на различные уровни языка. Наиболее непосредственно реагирует лексический уровень (особенно подсистема терминологической лексики). Тесная зависимость существует также между действием социальных факторов и дифференциацией стилизованных разновидностей. Такая же связь заметна в области словообразования. Меньше всего реагирует на воздействие социальных факторов структурно-грамматический уровень.

В докладе «Роль социальных факторов в процессе формирования и развития письменно-литературных языков» Н. Катанова подчеркнула, что роль социальных факторов особенно ярко проявляется в ходе развития письменно-литературных языков: 1) время появления письменно-литературных языков целиком обусловлено ходом общественного развития; 2) выбор диалектной основы очень часто определяется не культурно-историческими и не лингвистическими факторами, а политической и экономической значи-

мостью той области, диалект (или группа диалектов) которой становится основой развития письменно-литературного языка; 3) с особой очевидностью воздействие социальных факторов выявляется в процессе нормализации письменно-литературных языков.

Т. Пахалица посвятила свой доклад «Влияние некоторых социальных факторов на развитие языка (на материале иранских языков)» анализу некоторых фонологических и лексико-грамматических изменений в бесписьменных языках Памира. Конкретный материал сравнения лексики в некоторых фонетических и грамматических явлениях в языке советских памирских народностей и в языке афганских памирцев с очевидностью выявляет обусловленность различий в этих областях языка различными социально-экономическими причинами.

Были представлены доклады ученых из других социалистических стран. На вопросах методологии социолингвистического исследования подробно остановилась румынский ученый Т. Слама-Казак в докладе «Динамика-контекстуальный метод в социолингвистике».

Я. Янушек (Чехословакия) в докладе «Социально-психологические проблемы в кооперации» дал анализ диалога, как особой формы социального контакта, основанной на передаче информации в процессе социальных отношений. Докладчик указал, что проблема диалога имеет широкий контекст. Значение социально-психологического анализа состоит в том, чтобы определить условия, позволяющие преодолеть старые и вновь возникающие барьеры между людьми, найти эффективные средства, обеспечивающие взаимопонимание.

Ученые Болгарии и Югославии также представили свои доклады и участвовали в обсуждении (Н. Николов, Болгария, и др.). Из 83 докладов, представленных для обсуждения на заседаниях сессии социолингвистики, около 40 принадлежали нам и нашим коллегам из социалистических стран.

Р. Кйолзес (США) в докладе «Программы лингвистического образования в Соединенных Штатах Америки: ассимиляция или плюрализм» сделал попытку охарактеризовать парадигму социолингвистических переменных в программах лингвистического образования, систематически сравнивая структурные различия между ними.

Проблема планирования и прогнозирования была поднята в докладе Дж. Фишмана (Израиль) «К вопросу о перекрестно-национальном изучении процессов языкового планирования». Задачей доклада было озвучить участие участников конгресса с наметенным группой зарубежных ученых планом перекрестно-национального изучения процессов языкового планирования в четырех стра-

вах: Индонезии (индонезийский язык), Индии (хинди), Израэля (еврейский), Пакистана (бенгали).

Вопрос о месте социолингвистики в системе других наук затронул Р. Урель (Франция) в докладе «Некоторые соображения о теоретических моделях лингвистики с учетом западноафриканской ситуации». Как исследователь, изучающий взаимоотношения западноафриканских языков. Р. Урель выразил мнение, что первоочередной задачей является не проведение новых структурных анализов, не конструирование повторяющихся моделей, а разработка четкой языковой политики, создание заинтересованности в ней соответствующих организаций. Это облегчило бы практику языкового строительства в развивающихся странах.

Тенденция рассматривать социолингвистику как самостоятельную науку и формализовать методологию ее исследования была довольно четко выражена в докладе Р. Шабреля (Франция) «Теоретические модели в социолингвистике: к вопросу о социолингвистической грамматике». По его мнению, социология естественных языков изучает, как язык отображает определенные социальные категории. Лингвистические явления рассматриваются как результат экстралингвистических причин. Постулат социолингвистики — естественные языки — это лингвистическое обозначение, а социальные категории — социально обозначаемое. Социолингвистический подход — это описание дифференциации и значимого членения человеческого общества, основанное на установлении адекватных отклонений на уровне естественных языков.

Лукман (ФРГ) сделал доклад на тему «Соображения по вопросу о направлении социологических и языковых исследований». Докладчик наметил два уровня исследования: а) макроструктуры (глобальные системы — социальная структура, нультура и язык или более широко — анаковые системы). Сюда же включаются составные элементы глобальных структур: экономика, политическая организация, семья; система социальной стратификации, как компонента социальной структуры; субкультуры (групповые культуры); языковые стили и речевые репертуары как составные части языка; б) микроструктуры (социальная функция и социальное взаимодействие, познавательная и аффективная организация индивидуума и речевые акты (индивидуальная система познания, мотивации и языковой компетенции)).

В докладе И. Дойчера (США) «Язык и перекрестное изучение культур и субкультур» был сделан упор на необходимость изучения языка как обязательной предпосылки для результативности социологического исследования.

О необходимости построения прогнози-

рующей модели, которая может стать эффективным средством политики планирования языкового развития, говорил А. А. Фендрас (Канада) в докладе на тему «Процесс распространения языка, прогнозирование и планирование».

М. Хартиг и П. Курц (ФРГ) в докладе «Язык и социальные контролы» поставили на обсуждение вопрос об адекватном подходе к социолингвистическим явлениям, к построению новой релевантной социолингвистической модели (переформулировка отношения между языком и социальной структурой).

Вопрос о том, какова природа регулирующих начал (constraints), которые регламентируют взаимоотношения между индивидуумами и делают возможным интерпретацию высказываний был выдвинут Дж. Хелмером (США) в докладе «Высказывание и значение: к социолингвистическим теориям».

Доклады Абдул Азиза и Маруп (Таиланд) «Факторы, влияющие на сохранение языка и на переключение с одного языка на другой у билингов, говорящих на английском и суахили», С. Ура и Б. Форсова (Гана) «Употребление языка в Гане», С. Крайпера (Шотландия) «Многоязычие и мобильность в Уганде» и С. Л. Шамис (США) «Государственный язык, Пилиппины и урбанизация» были посвящены языковому состоянию в развивающихся странах Африки. В них были показаны сложность и своеобразие языковой ситуации в языковых отношениях в этих странах.

Вопрос о месте и значении двуязычия в системе высшего образования составил тему доклада А. Вердота (Бельгия). Это результаты обследования нескольких типов университетов в различных странах: 1) университетов, где все занятия ведутся на двух языках; 2) где часть занятий проводится на двух языках и 3) где некоторые занятия на языке А, а некоторые — на языке В.

Этот же вопрос (только на уровне средней школы) дискутировался в докладе В. Э. Ламберта (Канада) «Экспериментальная французская школа для английских детей». Докладчик проводил мысль, что такого рода школы значительно способствуют сближению и взаимопониманию двух этнических групп.

К докладам, в которых социолингвистика трактовалась как междисциплинарная наука и тематика которых стояла на границе нескольких научных областей можно отнести доклады: Э. Роуза (США) «Общее в значениях языковых корней», П. Форстера (Великобритания) «Эксперанто как социальное и лингвистическое явление» и Л. Саада (Франция) «Процессы образования эфемерных в одном арабском диалекте».

Целью обширного и подробного доклада Э. Роуза являлось раскрытие смысло-

ых связей, объединяющих всю массу значений, собственных корневым элементом видоевропейских языков.

П. Форстер дал анализ развития эсперанто и характеристику его лингвистического, идеологического и социального состояния в настоящее время. Что касается Л. Саада, то она, в основном, затронула некоторые проблемы семантики в социологическом плане.

На заседаниях секции были обсуждены как прослужившие, так и не прослужившие доклады.

Объединение социалингвистов различных стран на общем конгрессе, обсуждение докладов, беседы способствовали установлению контактов с зарубежными учеными и показали возможность плодотворного сотрудничества в деле разработки основных проблем социалингвистики.

Были образованы рабочие группы, задача которых — разработка наиболее актуальных социалингвистических проблем.

По окончании работы секции был избран новый состав Международного исследовательского комитета по социалингвистике. В него вошли: Р. Кйолзес (США) — президент, вице-президенты: Ю. Демерев (СССР) и А. Вердот (Бельгия), члены — Э. Роуз (США) и Гом (Индия), секретарь-казначей — А. Аффендрас (Канада).

Н. А. Катагличина (Москва)

«психологический предикат», «тема» и «прогност», «тема» и «рема» «topic» и «comment» становится объектом внимания ученых, по крайней мере, с первой половины XIX в. Между тем любая лингвистическая теория, претендующая на адекватность, должна объяснять явления актуального членения предложения.

До сих пор проблемы актуального членения предложения изучались с разных точек зрения. На симпозиуме было признано, что наиболее точный и соответствующий природе изучаемых явлений способ исследования может быть выработан лишь в результате совместных усилий, путем пересмотра индивидуальных взглядов и углубленного изучения различных точек зрения, высказанных в процессе дискуссии. Этой цели, несомненно, будет содействовать подготовленная к симпозиуму обширная библиография и словарь наиболее употребительных терминов. Дальнейшее исследование проблем актуального членения предложения, предполагающее и применение сопоставительного метода, должно включать в себя разработку подробного описания относящихся сюда явлений, что будет способствовать завершенности грамматической теории. Полученные результаты найдут свое применение в различных сферах прикладной лингвистики (преподавание языка, стилистика, практические и теоретические проблемы перевода, автоматическая обработка фактов языка).

Ф. Данеш (Прага)

Перевела с английского Д. А. Бейлика

С 12 по 14 октября 1970 г. в Марианской Лазне (Чехословакия) проходил первый Международный симпозиум по проблемам актуального членения предложения¹. Языковеды 10 европейских стран обсуждали некоторые проблемы коммуникативной функции предложения, а также различные вопросы изучения связанного текста. Было отмечено, что в современной лингвистике этим вопросам не всегда уделяется достаточное внимание, несмотря на то, что круг проблем, связанных с такими понятиями, как «point de départ» и «but de discours», «психологический субъект» и

С 26 по 28 ноября 1970 г. в Зеллине на острове Рюген (ГДР) проходила научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Фридриха Энгельса, на тему «Вклад Фридриха Энгельса в развитие научной теории языка и актуальные проблемы марксистско-ленинского языкознания». В работе конференции приняли участие профессор, сотрудники и студенты языковедческих секций университетов и вузов ГДР, сотрудники Центрального института языкознания Академии наук, преподаватели общеобразовательной школы, представители общественности, а также гости из СССР, Польши и Венгрии.

Конференцию, организованную секцией языкознания и литературоведения и секцией марксизма-ленинизма Грейфсвальдского университета им. Эрнста-Морица Аришта, открыл от имени ректора Грейфсвальдского университета профессор Г. Бройер.

¹ Ср. другие эквивалентные термины, также широко употребляемые: «funkční perspektiva větná», «функциональная перспектива предложения», «aktuelle Satzgliederung», «funktionale Satzperspektive», «Mittelungsperspektive», «kontextové členění věty», «contextual segmentation of the sentences», «významová ústava výroky», «the thematic organization of the utterance», «смысловое членение предложения», «Thema-Rhema Gliederung», «topic-comment structures».

В вступительном докладе директор секции языкознания и литературоведения Грейфсвальдского университета К. Габба указал на тесную связь созданного Марксом и Энгельсом научного социализма с теорией и практикой революционной партии ленинского типа и подчеркнул, что наследие классиков марксизма-ленинизма является животворным источником успешного развития всех общественных наук, к числу которых принадлежит и языкознание. Хотя сам Ф. Энгельс и писал, что при Марксе он «играл вторую скрипку», его вклад в создание и развитие мировоззрения пролетариата бесмертен. В ряде сочинений он обогатил все составные части марксизма. После смерти К. Маркса Ф. Энгельс подготовил и печать второй и третий тома «Капитала», отказываясь от выполнения ряда собственных работ. Ему принадлежит заслуга и в разработке научной теории языка. В своем труде «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» он заложил основы марксистской науки о языке, которая затем развивалась в сочинениях В. И. Ленина и в советском языковедении. Принципы диалектического и исторического материализма представляют собой методологическую основу и для выполнения практических задач науки о языке в борьбе с противниками марксизма-ленинизма и с реакционными течениями разных толков.

Исходя из высказываний классиков марксизма-ленинизма и опираясь на постановления ЦЭПР о задачах общественных наук, Э. Альтбрехт (Грейфсвальд) в докладе «Исторические корни и актуальное значение философских взглядов Ф. Энгельса на язык» основное внимание сосредоточил на освещении функции языка как средства коммуникации в обществе и на тех аспектах теории языка, разработка которых имеет важнейшее значение для решения современных идеологических задач. На примере работ Н. Хомского, Ф. Каца и других авторов докладчик показал, что ни одна научная дисциплина не может быть свободной от мировоззренческих основ, от политических концепций. В связи с этим он подчеркнул, что некритическое применение формализованных методов «структурализма» превращается в беспристрастность. Научный подход к исследованию функции языка должен опираться на марксистско-ленинское учение о природе и обществе, на единство языка и общества в зависимости от социально-экономической формации. Освобождая языковедение от идеалистических взглядов на язык как предмет в себе и для себя, от абсолютизации языка как системы знаков, языковеды-марксисты открывают путь для дальнейшего развития науки о языке.

В. Моргенрот (Грейфсвальд) в своем докладе «Актуальное значение

единства исторического и логического методов в сочинениях Ф. Энгельса о немецком языке раннего периода» показал, что для Энгельса изучение языковых явлений служило не самоцелью, а средством вскрытия исторических изменений в классовых отношениях. При этом Энгельс критически использовал методы сравнительно-исторического языкознания для выявления неразрывной связи истории языка и истории носителей языка. Ф. Энгельс соединил исторический подход с логическим, синхронно с диахронией, т. е. для него предмет языкознания не ограничивался только описанием механизма самого языка. Таким же образом следует рассматривать и развитие немецкого языка в последние десятилетия, т. е. в связи с обществом, в связи с изменениями социально-экономической формации в обоих германских государствах. Разработка этих проблем требует сотрудничества языковедов с историками, философами, социологами и другими специалистами.

В. Кирхгесснер (Грейфсвальд) в докладе «Роль языка в процессе развития сознательности социалистической личности» остановился на важной функции языка в социалистическом обществе. Как уже отмечал Ф. Энгельс в своем труде «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», рабочий класс — это единственный наследник передовой немецкой культуры. Постоянно растущее соответствие общественных и индивидуальных интересов в социалистическом обществе требует усовершенствования культуры языка, развития практического применения языка во всех областях жизни, т. е. развития тех проблем языкознания, которые выдвигаются наукой об управлении общественными процессами. В связи с этим докладчик затронул различные проблемы воздействия общества на язык и влияние языка на общественное развитие и остановился на роли речи агитатора, классовой обусловленности современных коммуникационных средств и литературы.

В докладе «Лингвистические и философские аспекты действительности политической речи» В. Шмидт (Потсдам), исходя из марксистско-ленинской теории отражения, согласно которой явления действительности становятся значением языковых знаков только через отражение в человеческом сознании, остановился на вопросе иерархии компонентов словесного значения и указал на их перераспределение под влиянием контекста. Он подробно анализировал, как идеология входит в семантику языковых знаков и как она действует через посредство языка на общественное поведение человека. На ряде примеров (демократия, классовая борьба и пр.) он доказал, что решение этих проблем невозможно без учета диалектического соотношения

между мышлением, языком и обществом. Только на этой основе можно понимать явления дифференциации немецкого языка в социалистической ГДР и капиталистической ФРГ. По тематике двух первых основных докладов (Альбрехт, Моргевиот) были прослушаны ряд докладов и сообщений. Студент Г. Цахе (Дрезден) в сообщении «Взаимоотношения языка и мышления» остановился на той критике позитивистических взглядов на язык, которую в свое время дал В. И. Ленин. В. Мюльнер (Юстров) в докладе «Семантика синтаксических конструкций», рассматривая сущность словосочетания и предложения, остановился на основном принципе марксистско-ленинизма об отражении вещей и явлений действительности в языковых единицах. В докладе было проанализировано также взаимоотношение лексического и синтаксического компонентов высказывания.

В докладе «О развитии категории количества в языке» В. З. Панфилов (Москва) остановился на глоссологических аспектах взаимоотношения языка и мышления. На материалах различных языков он разъяснил процессы абстрактного, обобщенного познания. Становление и развитие категории количества в языке свидетельствует об обусловленности категорий мышления объективной действительностью. В докладе были наведены этапы развития этой категории мышления. Г. Гернеяц (Росток) выступил на тему «Актуальное значение статьи Ф. Энгельса „Франкский диалект“ для научно-продуктивного обучения будущих учителей немецкого языка».

В докладе «Лингвистические достижения и методы Ф. Энгельса и их отношение к современной германской филологии» Г. Лерхвер (Галле) указал на то, что было бы ошибочным зачислить исследование Энгельса по истории языка в один ряд с другими работами по сравнительно-историческому языкознанию, и подчеркнул новое качество достижений Энгельса на основе диалектического и исторического материализма. Р. Гроссе (Лейпциг) в докладе «Коммуникационная общность и языковая общность в „Франкское время“» отметил, что использование результатов исследований Ф. Энгельса в области истории немецкого языка раннего периода открывают германистам путь к правильной оценке развития языка в неразрывной связи с обществом. Э. Аридт (Берлин) и В. Шмидт (Берлин) в своих выступлениях сделали попытку периодизации истории немецкого языка с учетом воздействия на изменения в языке изменений в общественном строе.

В дискуссии по проблеме «Система и структура языка» выступили Г. Шницбардт (Неа), Г. Шустер-Шенц (Лейпциг) и Р. Экерт (Лейпциг); некоторым вопросам теории познания и соотношений языка и действительности

посвящали свои выступления В. Мотч (Берлин), студент М. Нимейер (Грейфсвальд), Э. Эйхлер (Лейпциг), У. Вурцель (Берлин), В. Флейшер (Лейпциг) и Г. Маттке (Неа).

По тематике двух других основных докладов (Кирхгессер, Шмидт) были прослушаны следующие доклады и сообщения. У. Рикен (Галле) в докладе «Идеологическая функция классовых обозначений в тексте „Интернативала“» указал на важную роль, которую играет выбор слов и выражений в боевом гимне пролетариата. В докладе «Стиль социалистической публицистики как выражение партийной речи на службе развития сознательности» К.-Г. Иленбург (Грейфсвальд) анализировал языковые средства, используемые в целях разоблачения агрессивного характера монополистического капитала.

Э. Курка (Берлин) в докладе «Сила воздействия форм обращения в речах и сочинениях В. И. Ленина как выражение его тесной связи с массами» показал, как В. И. Ленин использовал языковые средства, чтобы достичь живого контакта с слушателями и читателями. В докладе «Ленин и вопросы стилистики» студентка Б. Ноак (Дрезден) остановилась на высказываниях В. И. Ленина о проблеме соотношения содержания и формы, имеющей особое значение для теории стиля.

Образ В. И. Ленина стоял в центре доклада студентки М. Шлукнер (Неа) «Наглядные речи В. И. Ленина в рассказе Казакевича „Синяя тетрадь“». У. Кеждлер (Лейпциг) в докладе «Фридрих Энгельс как критик языка и стиля» рассматривала те языковые средства, которые использовались Ф. Энгельсом для того, чтобы, с одной стороны, стимулировать понимание теории марксизма среди рабочих, а с другой стороны, высмеять потуги Е. Дюринга на создание новой философской системы. В своем докладе «Эстетическая функция языка» В. Шпиво (Грейфсвальд) указал на то, что растущее значение культуры в социалистическом обществе ставит перед наукой о языке новые задачи. Чтобы с успехом выступать против таких теорий эстетики, в которых функция языка в поэтике понимается как антиграмматическое употребление языковых элементов, следует на основе теоретических взглядов классиков марксизма-ленинизма о диалектическом соотношении содержания и формы развить теорию эстетической функции языка на службе общества.

С докладом на тему «Изменения в общественной коммуникации и проблемы умственно-культурных потребностей при социализме в связи с применением электронных машин» выступил К. Штрёмель (Грейфсвальд). К. Габика (Грейфсвальд) выступил с докладом

«Понятие „языковая общность“ Л. Вейсгербер сегодня и прежде. Он показал, что новые сочинения Л. Вейсгербер служат той же цели, что и его работы начала 30-х годов: восстановить немецкую языковую общность в прежних границах, присоединив к монолистическому государству всех немцев, живущих на других территориях. Его «закон родного языка» сейчас используется в тех же целях, что и раньше.

Г. Бартея (Грейфсвальд) в докладе «О фальсификации образа СССР в области страноведения» анализировал сущность дискредитации жизни в СССР в книге К. Седльмейера «Страноведение Советского Союза». Он показал, как употребление автором определенных слов и выражений служит доказательству истинности. Студентка Г. Шеллей (Йена) указала в докладе «Марксистско-ленинское понятие свободы и его толкование в ФРГ» на зависимость понятия «свобода» от общественных отношений.

Р. Шолл (Грейфсвальд) в докладе «Функция семантического и прагматического аспектов языка в системе обработки человека в США» остановился на роли современных коммуникационных средств (газет, телевидения и т. д.) в классовой борьбе и указал на то, что в США целенаправленно разрабатываются разными специалистами методы словесной обработки широких народных масс. На тему «Язык рекламы в язык политической пропаганды монолистического капитализма» выступил К. Бохман (Талле).

В дискуссии выступили Г. Либш (Дрезден) с замечаниями о роли учебного предмета «Речь и оформление речи» при подготовке будущих учителей, В. Гримальтиш (Йена) на тему «Кризисные явления в мораль в США», С. Зайцева (Москва) с замечаниями по языку и терминологии философии; различным вопросам, поднятым на конференции, посвятив свои выступления Г. Гартунг (Берлин), В. З. Панфилов (Москва), Ц. Канно (Сегед, Венгрия), В. Воазен (Варшава), Г. Мейер (Берлин) и Е. Зейдель (Берлин).

На конференции были также прослушаны сообщения представителей языковедческих секций университетов и вузов ГДР о выполнении обязательств, взятых в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Участники конференции призвали языковедов ГДР к продолжению соревнования.

В своем заключительном слове проректор Г. Бройер отметил достижения конференции в освещении методологических проблем языковедения с марксистско-ленинских позиций. Он указал на то, что каждая наука может успешно развиваться только на базе диалектического и исторического материализма. Решение основных вопросов языковедения с этих по-

зиций имеет существенное значение для выяснения функций и роли языка в классовой борьбе.

К. Габка (Грейфсвальд)

15—16 декабря 1970 г. проходила организованная Институтом языковедения АН СССР юбилейная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса.

Во вступительном слове В. Н. Ярцева подчеркнул, что творческое освоение теоретического наследия Ф. Энгельса чрезвычайно важно для решения задач во всех областях современной науки, в том числе и в языковедении.

Р. А. Будагов в докладе «Ф. Энгельс и языковедение», отметив многообразие лингвистических проблем, интересовавших Ф. Энгельса, подробно остановился на трех из них: язык и мышление, язык и история, метод изучения языков. В зарубежной науке XX в. сложились две точки зрения на мышление. Согласно одной из них, современное мышление человека резко отличается от мышления первобытного человека (Лени-Браун); согласно другой — мышление человека во все времена остается единым и неизменным (Лени-Стресс). Ф. Энгельс, подчеркивая общечеловеческий характер мышления, вместе с тем показывает, как в связи с развитием материальных условий существования людей развивалось и совершенствовалось их мышление в тесном взаимодействии с развитием и совершенствованием языков. В современных спорах о синхронии и диахронии важное значение имеют мысли Ф. Энгельса об истории языка. Ф. Энгельс никогда не ставил вопрос: ли историческое языковедение, или изучение современного состояния языка. Он рассматривал язык в состоянии непрерывного развития и вместе с тем в системе взаимосвязанных отношений. В заключение Р. А. Будагов напомнил о высокой оценке, которую Ф. Энгельс дал сравнительно-историческому методу в языковедении.

В докладе В. З. Панфилова «Категории мышления и языка. Становление и развитие категории количества в языке» был рассмотрен процесс развития категории количества. Докладчик наметил ряд этапов становления этой категории мышления — начиная от первоначального, на котором устанавливается лишь равнозначность (или равнозначность) конкретных множеств предметов, до завершающего, на котором категория количества выступает как бы в чистом виде, освобожденная от влияния категории качества (возникновение в языке числительных, употребляющихся при

абстрактном счете). Научные данные, которыми располагает современное языковедение, а также этнография, детская психология и психолингвистика, подтверждают мысль Ф. Зигельса о том, что способность отвлекаться при рассмотрении предметов счета от всех прочих их свойств, кроме числа, есть результат долгого, опирающегося на опыт исторического развития. В. З. Панфилов остановился также на закономерностях образования и развития числительных в различных языках, поставив их в связь с намеченными им этапами развития категории количества.

Г. В. Кошманский в докладе «Проблема противоречий в структуре языка» отметил, что по своей сущности язык, как и другие природные или общественные явления, характеризуется наличием объективных и закономерных противоречий, сосредоточивая в себе одновременно тождественное и различное, общее и отдельное, универсальное и специфическое. Противоречия, свойственные языку, затрагивают одновременно оба его плана — и план выражения, и план содержания; они имеют глобальный характер и присущи как языку в целом, так и всем звеньям его структуры и системы в отдельности. Докладчик подчеркнул, что под углом зрения противоречий и их разрешения язык предстает как открытая система, не связанная раз и навсегда данными жесткими формами, поэтому он способен на всем протяжении истории человечества выполнять функцию установления взаимопонимания между людьми.

С докладом «Наследие Ф. Зигельса в проблемы соотношения внутренних и внешних факторов языкового развития» выступил И. П. Муч и к. Из множества плодотворных идей Ф. Зигельса по различным лингвистическим вопросам первоочередное методологическое значение для проблемы факторов языкового развития имеет известное указание Ф. Зигельса, решительно предостерегающее против вулгаризации марксизма при объяснении языковых явлений. При развитии языка и его структуры сложным образом переплетаются внутренние и внешние факторы. Воздействие социальных условий на развитие структуры языка может получить адекватное отражение в лингвистической теории, только если будет всесторонне выяснено взаимодействие внешних факторов с внутренними тенденциями. Существование соотношения социальных факторов и внутренних тенденций может быть представлено следующим образом: направленность языковых процессов определяется внутренними тенденциями, действующими в течение длительных исторических периодов, социальные же факторы могут только тем или иным образом модифицировать эту направленность. Вместе с тем только обстоятельный анализ действия социальных факторов дает возможность в деталях

раскрыть механизмы речевых процессов, в результате которых выкристаллизовываются факты языка.

Н. С. Чемоданов в докладе «Ф. Зигельс о социальной обусловленности языка в современном языковедении» подчеркнул, что при решении проблемы социального и индивидуального в языке марксистское языковедение опирается на высказывания К. Маркса и Ф. Зигельса о сущности человека, которая была им определена как «совокупность общественных отношений». Рассматривая при этом язык как непосредственную действительность мысли и как практическое действительное сознание, К. Маркс и Ф. Зигельс ввели в науку о языке понятие социальной обусловленности языка. Подчеркнув, что для индивида язык существует лишь в той мере, в какой он существует для других людей, К. Маркс и Ф. Зигельс впервые в истории науки подошли к речи индивида как к проявлению его общественного бытия и как к важнейшей универсальной форме его связи с другими индивидами. Выл утверждение материалистический и исторический подход к речевой деятельности человека, поскольку формы этой деятельности как выражение общественной связи в конечном счете определяются уровнем общественных отношений и формами общения конкретной исторической эпохи. В свете этой концепции ставится ясным, что языковедение на всех этапах своего развития односторонне разрешало проблему социального в языке; далее докладчик критиковал постановку этой проблемы как в младограмматическом и фоссерианском направлениях, так и в соосервианском.

В. И. Абаев в докладе «О родовых отношениях и терминах родства у осетин» отметил, что за время, прошедшее после опубликования работы Ф. Зигельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», достижениями науки стали новые обширные этнографические материалы из всех стран света. Эти материалы дополнили нарисованную Ф. Зигельсом картину, не поколебав основных положений его труда. В частности, на осетинском материале хорошо видно, что и после полного торжества патриархальной семьи пережитки старого материнского права долго еще бытуют в фольклоре, обычаях и обрядах, в терминологии родства. Семейные и общественные отношения у осетин в недавнем прошлом дают ценный материал для характеристики родового строя и семейной общины.

В. Н. Ярцева в докладе «Соотношение территориальных диалектов в разных исторических условиях» отметила, что работы Ф. Зигельса содержат не только важнейшие методологические положения относительно диалектики исторического развития языка, но и дают примеры объяснения таких изменений, ко-

торые происходят в языке в результате взаимодействия диалектов. Используя материал английского и кельтских языков, В. Н. Ярцева проанализировала типы взаимодействия диалектов одного и того же языка в различных исторических условиях. Рассматривая язык как диалектически противоречивое единство совокупности его диалектов, она подчеркивала, что это единство обеспечивается структурным сходством диалектов одного языка и известной общностью исторического развития. Единство в общности развития диалектов одного языка может быть нарушено в результате действия различных причин: внешнего воздействия на одну из частей совокупности диалектов; функционального неравенства территориальных диалектов; дивергенции диалектов в результате распада области их распространения, первоначально являвшейся единой в политическом и экономическом отношении. Взаимодействие экстралингвистических условий в каждом конкретном случае языкового развития дает сложную картину сочетания системных свойств самого языка и конкретных условий их функционального применения.

А. В. Десницкая (Ленинград) в докладе «К вопросу о языковых отношениях в родовом обществе» указала, что работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» чрезвычайно важна для исследования типов языковых отношений, слагающихся в условиях родового строя, для решения проблемы происхождения групп родственных языков. При постановке этих вопросов в лингвистической литературе обычно учитываются высказывания Ф. Энгельса относительно новообразования языков и диалектов в связи с процессами новообразования родственных племен. Однако для понимания самого типа языковых отношений эпохи родового строя, их внутренней стратификации определяющее значение имеет прежде всего характер организации родового общества, который проанализирован Ф. Энгельсом. Именно в социально-историческом аспекте получает объяснение факт возникновения при родовом строе обобщенных вариантов устной речи (устно-поэтический язык, язык обрядовых действий, публичная речь и т. д.). Разработка теории обобщенных вариантов языка, возникающих в условиях родового общества, открывает выход к изучению важных проблем языковой истории — характера «праязыков» или «праязыковых состояний», уточнения понятия «общий» и «единый язык народности».

В докладе **М. М. Гухман** «Взаимодействие диалектных ареалов и типы диалектной речи феодальной Германии» отмечается, что Ф. Энгельс поставил ряд важных теоретических проблем, связанных с закономерностями развития и функционирования диалектов в эпоху раннего

средневековья. Диалектные ареалы в феодальной Германии, начиная с эпохи раннего средневековья, характеризуются сложностью структуры. Эта сложность обусловлена существованием наряду с местными узкоотраженными диалектами фоном более обобщенных разновидностей региональных форм, которым были свойственны, с одной стороны, устоявшаяся традиция, а с другой — обилие неологизмов, чуждых разговорной речи. Взаимодействие диалектных ареалов в этих условиях реализуется по двум линиям: а) пролипаемость диалекта допускает продвижение в диалектных формах, образующих сложные изоглоссы и взрывающих первоначальную диалектную конфигурацию; б) региональные варианты существуют в более высоких сферах коммуникации. Уже в эпоху формирования крупных племенных союзов существовали различные наддиалектные формы языка, устные и письменные койны, представленные древней поэзией, языком древнего права и административного управления, обряда и религии, языки межплеменного общения типа готского языка в период существования готского племенного союза. Обобщенные языки высших сфер коммуникации происходило в двух направлениях: путем определенного функционально-стилистического отбора и через включение разнодиалектных вариантов.

С. Д. Кацельсов (Ленинград) в докладе «Метод системной реконструкции и внутренняя хронология историко-лингвистических фактов» отметил, что классическая компаративистика, стремясь создать историю изучаемых ею языков, принимала за исходный пункт развития древнейший по своей письменной документации язык. Проблема реконструкции древних языковых систем, непосредственно не засвидетельствованных в письменных памятниках, при этом не вставала: внутренние связи элементов в системе языка не принимались в расчет. Новый индуктивно-дедуктивный метод исследования предложил Ф. де Соссюр. Он реконструировал историческую динамику системы индоевропейского вокализма, наметив в ней ряд стадий, древнейшей из которых он считал стадию моновокализма. Эта хронология нового типа основана не на древности памятников, а на исторических закономерностях развивающейся системы. Открытие хеттского языка показало действительность метода системной реконструкции, который не следует смешивать с методом внутренней ударно-представления классической компаративистики, нанесла историческая лингвогеография, предвозвещавшая которой был «Франкский диалект» Ф. Энгельса.

Э. А. Макаев в докладе «О соотношении генетических и типологических критериев при установлении языкового родства» отметил, что в ряде работ по-

Следних десятилетий предлагается рассмотреть основания генеалогической классификации языков, отказаться от реконструкции праязыка и от самого понятия генетического родства языков, причем последние предлагается заменить понятием языкового союза и конвергентности языкового развития первоначально различных языков. В связи с этим возникает вопрос, в какой мере формирование языкового союза может привести к возникновению новых языковых семей. Рассматривая в качестве примера идею балканского языкового союза, выдвинутую Кр. Сандфельдом, докладчик приходит к выводу: на протяжении многовекового существования балканского языкового союза входящие в него языки вовсе не утратили генетических связей со своими предками, не был создан иной грамматический строй, не получился сплав всех языков в некий унифицированный структурный тип, что позволило бы говорить о балканской группе языков. В заключение Э. А. Макаев подчеркнул, что было бы неверным преуменьшать значение типологических

критериев при установлении языкового родства, однако типологические критерии не в состоянии ни заменить, ни отменить генетические критерии при установлении языкового родства.

Г. А. К л п м о в в докладе «Вопросы компаративистики в трудах Ф. Энгельса» отметил, что особое место в компаративистических штудиях Ф. Энгельса, изучавшего самые разные языки, принадлежит славистике и германистике. Одно время Ф. Энгельс планировал разработку сравнительно-исторической грамматики славянских языков. В последующий период его лингвистические интересы все более смещались в сторону истории германских языков, что было непосредственно связано с его исследованиями по истории древних германцев и нашло свое частичное отражение в работе о франкском диалекте. В докладе были затронуты также теоретические проблемы компаративистики, интересовавшие Ф. Энгельса.

А. М. Куанцов (Москва)

Исправление

В № 6 за 1970 г. в хроникальном сообщении А. П. Володина на стр. 139 (начало первого абзаца снизу в правой колонке) по вине автора допущена опечатка. В предложении: «Если генетическая принадлежность селькупского и алеутского языков невызывает сомнений...» вместо «селькупского» следует читать э с к и м о с с к о г о .

CONTENTS

Articles: V. M. Žirmunskij. Did Proto-Germanic really exist?; E. A. Makaeв (Moscow). The problem of Indo-Iranian linguistic unity; Discussions: L. Ligeti (Budapest). The Altaic theory and lexicostatistics; T. V. Gamkrelidze (Tbilisi). The modern diachronic linguistics and Kartvelian languages; Y. B. Krupatkin (Sevastopol). Phonological variants of phonemes and non-distinctive oppositions; A. S. Liberman (Leningrad). Order of actions in phonology and the reality of distinctive features; Materials and notes: M. G. Tarlinskaja (Moscow). Meter and rhythm of pre-Chaucerian verse; G. Ts. Piurbeyev (Moscow). Functional mutation of sounds in Mongolian languages; From foreign periodicals: J. Kurylowicz (Kraków). An experience of the extrapolation of one linguistic law; From the scientific heritage: I. M. Tronskij. The language of Homer; Critica and bibliography; Scientific life.

SOMMAIRE

Articles: V. M. Žirmunskij. Le proto-germanique, existait-il?; E. A. Makaeв (Moscou). Le problème de l'unité linguistique indo-iranienne; Discussions: L. Ligeti (Budapest). La théorie altaïque et lexicostatistique; T. V. Gamkrelidze (Tbilisi). La linguistique diachronique moderne et les langues kartvéliennes; Y. B. Kroupatkin (Sevastopol). Variantes phonologiques des phonèmes et oppositions non-distinctives; A. S. Liberman (Léningrad). L'ordre des actions en phonologie et la réalité des traits distinctifs; Matériaux et notices: M. G. Tarlinskaja (Moscou). Mètre et rythme du vers pré-Chaucerien; G. Ts. Piurbeyev (Moscou). Mutation fonctionnelle des sons dans les langues mongoliennes; Extraits des périodiques étrangers: J. Kurylowicz (Cracovie). Essai d'extrapolation d'une loi linguistique; De l'héritage scientifique: I. M. Tronskij. La langue d'Homer; Critique et bibliographie; Vie scientifique.

Технический редактор Глущина Л. И.

Сдано в набор 1.III.1971 г.	T-06492	Подписано и печатно 28/IV-1971 г.	Тираж 7170 экз.
Зак. 1850	Формат бумаги 70×106/16	Усл. печ. л. 13,3	Бум. л. 4,75
			Уч.-изд. л. 14,9

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10